



*Заключённые дети «лагеря смерти» Саласпилс.
Изображение музея Саласпилса*



Геннадий Рязанцев-Седогин

*настоятель Липецкого храма Михаила Архангела,
член Союза писателей России*

Страдания и жизнь после смерти

Рассказ из повествования

Мой любимый, жизнь моя разделилась надвое: одна была счастливая жизнь, наша жизнь до твоего отъезда в Осетию на новую, военную работу. Другая – длинная жизнь – моя и твоя, которая идёт сейчас. Многие говорят: «Как летит время». А для меня время будто остановилось. Мне бы хотелось, чтобы оно летело быстрее и быстрее и чтобы весь этот ужас, заполнивший меня изнутри и не оставляющий ни днём ни ночью, кончился. Ты пишешь редкие сообщения. А я жду их каждую минуту. Но телефон подолгу молчит. А помнишь, как меня отправили в санаторий перед рождением нашего первенца, и мы писали друг другу каждый день? Какие были удивительные письма, наполненные волнением, любовью и нежностью!

Сейчас открыты многие интернет площадки, на которых публикуют материалы, связанные с историей Второй мировой войны. Особенно много встречается воспоминаний о зверствах фашистов. Их сразу удаляют, мотивируя это тем, что они травмируют психику людей. Я с этим не согласна. Надо, чтобы все люди знали, до чего может прийти человек, до какой низости. Пересылаю тебе, любимый, материал, потрясший меня. Я плакала, читая его, и думала о тебе, о ребятах, гибнущих на земле Украины, об их матерях, жёнах, детях.

«Саласпилс – Латвия. Большинство детей в Краснобережном лагере долго не задерживалось: их кровь нужна была на западе. В крытых брезентовых машинах их отправляли в другие лагеря. Ближайший – Саласпилс. Этот концентрационный лагерь был создан нацистами в 1941 году на территории Латвии. Сюда привозились дети из Белоруссии, Псковской и Ленинградской областей, захваченные во время карательных операций. Официальное название – Саласпилсская расширенная полицейская тюрьма и лагерь трудового воспитания. Здесь находились малолетние узники, которых нацисты использовали в своих медицинских экспериментах. За три года существования Саласпилсского лагеря было выкачано более 3,5 тысячи литров детской крови. Нередко малолетние узники становились «полными донорами». Это означало то, что кровь у них брали до тех пор, пока они не умирали. Трупы уничтожали в печах крематориев или сбрасывали в утилизационные ямы. В одной из них немецкая женщина случайно нашла еле дышащую белорусскую девочку Зину Казакевич: после очередного забора крови она уснула. Её сочли умершей. Проснулась она уже в доме сердобольной немки: фрау проходила мимо утилизационной ямы, заметила шевеление, вытащила девочку и выходила её. Мацулевич Нина Антоновна вспоминает: «Когда началась война, мне было шесть лет. Мы очень быстро повзрослели. Перед моими глазами – несколько мотоциклов, автоматчики. Стало страшно, и мы сразу убежали к маме в избу. Мы попытались бежать от полицейской облавы, мама спрятала нас в овощную яму. Ночью мы ушли. Долго бродили по пшеничному полю в надежде найти хоть кого-нибудь знакомого. Ведь никто не думал, что война будет такой долгой. А в лесу нас нашли немцы. Они набросились на нас с собаками, толкали автоматами, вывели нас на дорогу и привели на железнодорожную станцию. Жара. Есть хочется. Пить хочется. Все уставшие. К вечеру пришёл состав, и нас всех затолкали в вагон. Никакого туалета. Только в правой стороне вагона была вырезана какая-то маленькая дырка. Ехали мы бесконечно долго. Так мне казалось. Состав всё время останавливался. Наконец нам скомандовали выходить. Оказались в лагере города Даугавпилса. Затолкали нас в камеры. Откуда время от времени выхватывали и приводили обратно избитых, израненных, измученных насилием семнадцатилетних девочек. Бросали их на пол и никому не разрешали подходить. Там у нас умерла младшая

сестрёнка Тоня. Не помню точно, сколько прошло времени – месяц, неделя. Через какое-то время нас опять вывели во двор тюрьмы и затолкали в машины. Нас привезли в лагерь Саласпилс. Немцы неофициально называли его «фабрикой крови». Официально – воспитательно-трудовой. Так окрестили его немцы в своих документах. Но о каком воспитании труда у детей можно вести речь, когда там были дети трёхлетнего и даже грудничкового возраста! На шею нам надели жетоны, с этой минуты мы перестали иметь право называть свои имена. Только номер. Мы недолго пробыли в бараке. Нас построили на площади. По биркам определили и забрали моих двух сестёр, их забрали и увезли. Через какое-то время снова нас построили на

Саласпилс. Дети концлагеря стоят в очереди за похлёбкой



площади и по номеркам снова забрали мою маму. Остались мы одни. Когда забирали мою маму, она идти уже не могла. Её вели под руки. А потом взяли за руки и ноги, разболтали и бросили в кузов. Также поступили и с другими. Выпускали нас на улицу погулять. Конечно, хотелось плакать и кричать. Но нам этого не разрешали делать. Мы ещё держались тем, что знали: за нашими бараками есть бараки, где военнопленные, наши солдаты. Мы тихонечко к ним спинами станем, а они нам тихо говорили: «Ребята, ведь вы советские дети, потерпите немного, носы не вешайте. Не думайте, что мы здесь брошены. Нас скоро освободят. Верьте в нашу победу». Мы себе записали в сердце, что нам плакать и стонать нельзя. А самое страшное было, когда немцы заходили в бараки и раскладывали на столах свои белые инструменты. И каждого из нас клали на стол, мы добровольно протягивали руку. А тех, кто пытался сопротивляться, привязывали. Бесполезно было кричать. Так они брали кровь от детей для немецких солдат. От 500 граммов и больше.



Дети концлагеря Саласпилс ждут, когда пойдёт дождь, чтобы утолить жажду

Если ребёнок не мог дойти, его несли и забирали всю кровь уже беспощадно и сразу выносили его за дверь. Скорее всего, его бросали в яму или в крематорий. День и ночь шёл вонючий, чёрный дым. Так жгли трупы. После войны были мы там с экскурсиями, до сих пор кажется, что земля стонет. По утрам заходила надзирательница-латышка, высокая блондинка в пилотке, в длинных сапогах, с плёткой. Она кричала на латышском языке: «Что ты хочешь? Чёрного или белого хлеба?» Если ребёнок говорил, что он хочет белого хлеба, его стягивали с нар – надзирательница избивала его этой плёткой до потери сознания. Потом нас привезли в Юрмалу. Там было немножко легче. Хоть были кровати. Еда была практически такая же. Нас приводили в столовую. Мы стояли по стойке «смирно». Не имели права сесть до тех пор, пока не прочитаем молитву «Отче наш», пока мы не пожелаем здоровья Гитлеру и его быстрой победе. Частенько нам попадало. У каждого ребёнка были язвы, почешешь – кровь идёт. Иногда мальчишкам удавалось добыть соли. Они нам давали её, и мы осторожно двумя пальчиками, осторожненько сжимали эти драгоценные белые зёрнышки и этой солью начинали растирать эту болячку. Не пикнешь, не застонешь. Вдруг воспитательница близко. Это же ЧП будет – где взяли соль. Начнётся расследование. Изобьют, убьют. А в 1944 году нас освободили. 3 июля. Этот день я помню. Нам воспитательница – она была самая хорошая, разговаривала на русском языке – сказала: «Собирайся и бегом к дверям, на цыпочках, чтобы никакого шороха не было». Она увела нас ночью в темноте в бомбоубежище. А когда нас выпустили из бомбоубежища, все кричали «Ура». И мы увидели наших солдат. Нас начали учить писать букву «а» на газете. А когда закончилась война, нас перевели в другой

Освобождение Красной Армией советских детей из концлагеря Саласпилс



детский дом. Нам дали огород с грядками. Тут уж мы стали жить по-человечьи. Нас стали фотографировать, узнавать, где кто родился. А я ничего не помнила. Только название – деревня Королёва. Однажды мы услышали, что Германия капитулировала. Нас солдаты поднимали под мышки и бросали вверх, как мячики. Они и мы плакали, этот день нам, очень многим, дал жизнь. Нам дали бумаги: мы были отнесены к первой категории пострадавших. А в скобочках было указано – «медицинские опыты». Что делали нам немецкие врачи, мы не знаем. Может быть, какие-то лекарства вводили – не знаю. Знаю только то, что я пока живая. Врачи наши удивляются, как я живу при полном отсутствии щитовидной железы. У меня она пропала. Она была как ниточка. А узнать, где я родилась точно, не могла. Двух девочек, которых я знала, забрали из детского дома. Я сидела и плакала. Мать девочек долго смотрела на меня и вспомнила, что она знала мою мать и отца. Она и написала на маленьком клочке мой адрес. Я кулаками, ногами стучала в дверь воспитательницы и кричала: «Посмотрите, где я родилась». А потом меня уговорили успокоиться. Через две недели пришёл ответ – нет никого в живых. Горе и слёзы. А мама нашлась. Оказывается, её угнали в Германию. Мы стали собираться в кучу. Мою встречу с мамой помню во всех мелочах. Как-то выглянула в окошко. Вижу, идёт женщина. Загорелая. Я кричу: «К кому-то мама приехала. Сегодня заберут». Но меня почему-то всю затрясло. Открывается дверь в нашу комнату, заходит сын нашей воспитательницы и говорит: «Нина, иди, там тебе платье шьют». Я захожу и вижу около стенки, около двери на маленькой табуретке сидит женщина. Я прошла мимо. Иду к воспитательнице, которая стоит посреди комнаты, подошла к ней, прижалась. А она спрашивает: «Ты узнаёшь вот эту женщину?» Я отвечаю: «Нет». «Ниночка, доченька, я твоя мама», – не вытерпела мама. А у меня ноги отказали, как ватные стали, деревянные. Они меня не слушают, не могу двинуться. Я к воспитательнице жмусь, жмусь, никак не могу поверить в своё счастье. «Ниночка, доченька, иди ко мне», – снова зовёт мама. Тогда воспитательница подвела меня к маме, посадила рядышком. Мама обнимает, целует меня, расспрашивает. Я ей назвала имена братьев и сестёр, соседей, что жили рядом с нами. Так мы окончательно убедились в своём родстве. Из детского дома мама меня забрала, и мы поехали на свою родину, в Белоруссию.

Там творилось страшное. На окраине нашей деревни был ток. Там молотили зерно. Так немцы собрали всех жителей, которые остались и не сбежали как мы. Люди ведь думали, что война продлится недолго и пережили же они финскую и первую мировую, ничего с ними немцы не сделали. Только не знали они, что немцы стали совсем другие. Они всех жителей согнали в ток, облили бензином. А тех, кто остался в живых, из огнёмётов сжигали заживо. Некоторых расстреляли на

площади, заставив людей загодя выкопать яму. У моего родного дяди погибла так вся его семья: жена и четверо детей были заживо сожжена в его доме. А мы остались жить. У меня есть внучки. И я хотела бы всем пожелать счастья и здоровья, а ещё – научитесь любить свою Родину. Как следует». Гитлеровцы сожгли архивы, но до сих пор живы те, кто видел их зверства своими глазами. Ещё одна узница лагеря, Фаина Аугостане, вспоминает: «Кровь начали брать у детей, когда нас всех распределили по баракам. Это было страшно, когда идёшь в тумане и не знаешь, вернёшься ли обратно. Видела девочку, которая лежала на проходе, у неё был вырезан лоскут кожи на ноге. Окровавленная, она стонала». Фаину Аугостане возмущает официальная позиция сегодняшних латвийских властей, которые утверждают, что здесь был воспитательно-трудовой лагерь.

«Это безобразие, – говорит она. – У детей брали кровь, дети помирали и их укладывали штабелями. У меня пропал младший брат. Я видела, что он ещё ползал, а потом на втором этаже его привязали к столу. Головка у него висела набок. Я позвала его: «Гена, Гена». А потом он исчез с этого места. Его бросили, как полено, в могилу, которая была доверху набита мёртвыми детьми». Трудовой лагерь – это было официальное обозначение в нацистских бумагах этого страшного места. И те, кто сегодня повторяет это, повторяют нацистско-гитлеровскую фразеологию. Сразу после освобождения Латвии в 1944 году была создана на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР Чрезвычайная государственная комиссия по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков. В мае 1945 года, осмотрев только пятую часть территории лагеря смерти (54 могилы), комиссия нашла 632 трупа ребёнка в возрасте предположительно от пяти до десяти лет. Трупы располагались слоями. Причём у всех без исключения в желудочках советские медики нашли еловые шишки и кору, были видны следы страшного голодания. У некоторых детей обнару-

«Саласпилсская мадонна» – заживо погребённая мать, прижимающая к груди ребёнка



жили инъекции мышьяка. Кадры кинохроники тех лет беспристрастно показывают штабеля маленьких трупов под снегом. Закопанные заживо взрослые люди стояли в своей могиле. В ходе раскопок нашли страшную картину, фотография которой потом потрясла не одно поколение и была названа «Саласпилсская мадонна» – заживо погребённая мать, прижимающая к груди ребёнка. В лагере было 30 барачков, а самый большой – детский. Чрезвычайная комиссия установила, что здесь было замучено около 7 000 детей, а всего погибло около 100 000 человек, больше, чем в Бухенвальде».

* * *

Сегодня была на Международном фестивале народного творчества «Ты, Россия, и сердце, и песня моя!». Раньше даже не обратила бы внимания на эту афишу. Тебя нет и надо как-то заполнять время, чтобы не думать о пустоте, образовавшейся вокруг меня. Сейчас, когда страна находится в состоянии войны, вдруг ощутила всю глубину русской песни и услышала в пении хора многоголосое звучание всего русского народа! Понимаешь, было ощущение, что это не хор поёт, а весь русский народ поёт в своём несокрушимом единстве: «Ах, ты, степь широкая...», – грянул сводный хор, и я представила эту необъятную степь под голубым небом, по которому неторопливо плывут белые, словно брызги молока, огромные чистые облака. Увидела поля и белые платки русских женщин в этих плодородных полях. Увидела леса, наполненные птичьим гомоном, реки сверкающие под ярким солнцем. Ком подступил к горлу, сдавило виски, и глаза мои наполнились слезами. Хоры на Фестивале пели самоотверженно, словно совершали богослужение, а я слышала в этом единении голосов звучание всего русского народа. Впервые я поняла и почувствовала всем существом моим, что и я частица этого народа. И если я проливаю слёзы, значит, народ мне родной. Я связана с ним кровными, нерасторжимым связями. И это одно из самых сильных переживаний общности и родства, которые я когда-либо испытывала. Как это удивительно, любимый мой. Так мне захотелось в те минуты, чтобы ты был рядом со мной и ощутил это живое единство со всем народом. Потому что этим единением могущественен наш народ и непобедим. И это живое народное содружество построено не на физическом единстве и природной силе, а на единстве культуры и вере нашей.

Шла по улице, смотрела на людей, спешащих по своим делам и думала, какие они родные друг другу, просто они об этом не знают. И это знание как-то утрачивается ими, потому что они покидают родную, национальную культуры. Теперь русское хоровое искусство рассматривается как музейное образование, о котором вспоминают только на фестивалях. А раньше, много десятилетий назад, как мне вечером сказала мама, все национальные праздники, проводимые

в Кремлёвском Дворце съездов не обходились без хоров военных и гражданских. Государство щедро обеспечивало их. А теперь перед военными поют «звёзды» эстрады. И я поняла вдруг, что за американские джинсы, видеоманитофоны и жвачки мы продали Россию тридцать лет назад...

Настроение испортилось. Не могла находиться на съёмной квартире, где всё напоминает о тебе, пошла к маме и весь вечер просидела у телевизора... Я теперь понимаю пожилых людей, им страшно сидеть в одиночестве в ожидании смерти.

Мой дорогой, когда-то ты познакомил меня с таким хорошим человеком! Антоний Сурожский. Сегодня нашла его на ютубе. Он говорит проповеди. Там целых 63 видео. Я слушала сегодня о смерти. Про неё и думать страшно, особенно сейчас, а тут слушаешь и радостно на душе. Не готовиться надо к ней, а ждать. Это дверь в вечную жизнь, – говорит Антоний. А это уже мои выводы: надо просто жить, не думать о смерти; не надо искать эту дверь, придёт время и она сама откроется. Теперь мне вообще интересно: что там за ней, что там, на той стороне реки? Жизнь – долгая ходьба, блуждание по тоннелю в конце которого Свет. Смерть – мостик к этому свету. Здесь, на Земле, надо верить в Жизнь, в ту Жизнь, которая ждёт тебя после смерти. Антоний сказал: «Верись в жизнь – уходишь в жизнь». Мой дорогой, теперь мне хочется Смерти. Самое лучшее, что меня ждёт в моей жизни – это Смерть.

Год назад хоронили соседа. Он был алкоголик. Молодой человек, 25 лет. Перед смертью он кричал от боли, разлагалась печень. Крики его страдания охватывали весь наш двор. Вечером он умер. Когда же его хоронили, все заметили, что губы его улыбались. Теперь мне понятна его улыбка: смерть подарила ему вторую жизнь – Вечную.

Сегодня, слушая проповеди, я ощущала, как мою внутреннюю тьму рассеивал Свет Божественный, и это было так приятно. Антоний тоже мне дарит Свет, он несёт его всем своим существом».